

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BILINGUE MENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 16 (444)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris.
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

9 Сентября 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ко всем членам партии (Воззвание ЗД РСДРП).

О советско-германском пакте (Декларация ЗД РСДРП).

Р. Абрамович. Мировая война номер 2.

Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух).

М. Кефали. Новая мировая бойня и русский рабочий класс.

С. Шварц. Как подготовлялось советско-германское сближение.

Отклики международного социализма на московский пакт.

К читателям и подписчикам «Соц. Вест.»

Extrait du sommaire: L'appel de la Délégation à l'Etranger du Parti. — La Déclaration de la D. à l'E. du Parti sur le pacte germano-soviétique. — R. Abramovitch: La guerre mondiale numéro deux. — Th. Dan. Au tonnerre des canons (Pensées parlées). — M. Kephali. La nouvelle guerre mondiale et la classe ouvrière de Russie. — S. Schwarz. Les origines du rapprochement germano-soviétique. — Les voix du socialisme international sur le pacte de Moscou. — Aux abonnés et lecteurs du « Courrier Socialiste ».

31 августа Заграничная Делегация РСДРП приняла единогласно следующее обращение (напечатанное во французском переводе в «Попюлер» от 2-го сентября):

Ко всем членам Партии

Европа и весь мир снова стоят на пороге ужасной войны, и наша партия вновь обращается к пролетариату Советского Союза и всего мира с призывом: **всеми силами содействовать поражению главного и непосредственного виновника чудовишной катастрофы — международного и, особенно, германского фашизма.**

РСДРП вновь напоминает, что лишь социализм даст человечеству прочный и длительный мир, основанный на равноправии и свободном союзе всех племен и народов, и что руководящая роль трудящихся в ведении грозившей войны необходима для ее победоносного завершения таким миром. И так как для трудящихся действительной целью войны будет не насилие над какой-либо страной, то под знаменем социалистической борьбы могут и должны сплотиться трудящиеся **всех стран без исключения**, чтобы через такую победу продолжить путь к свободе, миру и социализму.

Те же лозунги и те же призывы, что и 11 месяцев тому назад, повторяет РСДРП со всею силою и теперь, когда преступная политика Гитлера делает военную опасность еще более грозною и настоятельною. Все — кроме одного!

Тогда, 11 месяцев тому назад, наша родина была в числе стран, наиболее угрожаемых агрессией. И РСДРП звала трудящихся Советского Союза и всего мира встать на защиту Союза от нападения. Сейчас чудовишное предательство Сталина делает этот лозунг беспредметным. Диктатор Советского Союза цинично надругался над всеми принципами и идеалами, которыми он пытался оправдывать свой режим подавления свободы и кровавого террора. Он над-

ругался и над страной, над которой господствует, превратив ее, в глазах всего мира, в соучастницу преступлений германского национал-социализма и в пособницу Гитлера в развязываемой им войне.

Останется ли Сталин верен данным Гитлеру обещаниям или воспользуется каким-либо предлогом, чтобы новой изменой — на этот раз по отношению к новым, национал-социалистическим, друзьям — попытаться испустить длинную цепь предательств старых, ничто не сможет уже ни изгладить совершенного им преступления, ни изменить тех выводов, которые оно диктует.

Наша партия не переставала клеймить режим сталинской диктатуры, как великую опасность для дела защиты Советского Союза, для дела борьбы

для дела мира, демократии и социализма, и, призывая трудящихся Союза к энергичной военной обороне его, звала их в то же время к неустанной борьбе за замену сталинского единодержавия демократическим самоуправлением народа.

Этому призыву российской социалдемократии предательство Сталина придает неопровержимую убедительность. Сталин сам разоблачает свой режим, как величайшего врага всех тех благ и идеалов, за которые борется рабочий класс. Он сам ставит свою диктатуру на

За неделю до этого обращения, 24 августа, на следующий день по получении сообщения о заключении советско-германского пакта, ЗД приняла декларацию, опубликованную 26 августа в «Попюлер».

О советско-германском пакте

Заключение так наз. пакта о ненападении между правительствами Сталина и Гитлера вызвало понятное волнение широчайших общественных кругов и, прежде всего, трудящихся масс всех стран, еще усиленное обстоятельствами и моментом его заключения. Пакт подготовился в глубочайшей тайне и от общественного мнения самих заинтересованных стран, и от тех правительств, с делегациями которых правительство Сталина вело в это самое время переговоры дипломатического и военного характера в целях создания единого англо-франко-советского фронта противодействия военной агрессии

Пакт заключается в момент, когда ожидавшееся вскоре благоприятное завершение этих переговоров усиливало шансы на сохранение мира, ставя Германию перед перспективой неизбежного поражения в развязываемой Гитлером войне и этой перспективой мобилизуя все внутри-германские силы, способные еще заставить зарвавшегося диктатора отступить и, отступая, нанести тем самым смертельный удар своему варварскому режиму.

При таких условиях, каковы бы ни были тайные намерения и дальнейшие планы сталинского правительства, подписанный им пакт означает для данного момента обещание советского нейтралитета в подготовляемой Гитлером войне и является поэтому прямою помощью германскому диктатору. Уменьшая в его глазах риск войны и укрепляя расчеты на победу в ней, сталинское правительство помогает Гитлеру выйти из тупика и поощряет его к военной агрессии.

Понятно поэтому, что именно в трудящихся массах и, особенно, в тех слоях их, которые самые большие

одну доску с диктатурой национал-социалистического варварства и связывает их судьбы. Он сам наносит смертельный удар иллюзиям, которые еще держали миллионы пролетариев в плену выродившегося большевизма. На демократический социализм ложится отныне более чем когда либо задача стать выразителем тех идеалов политического и социального освобождения, которые одушевляют этих пролетариев, собирателем и объединителем их энергии.

Призывая трудящиеся массы всех стран сплываться во имя этих идеалов в навязываемой преступниками войне, РСДРП зовет русских социалдемократов ставить свои силы на обслуживание войны — в тесном контакте с братскими партиями этих стран. Всех советских граждан, верных идеалам социализма и русской революции, РСДРП призывает наперечь все усилия, чтобы, вопреки Сталину, сделать Советский Союз участником активной борьбы против Гитлера и тем самым нанести сокрушительный удар сталинской диктатуре.

Заграничная Делегация

Российской Социалдемократической Рабочей Партии.
Париж, 31 августа 1939.

надежды возлагали на Советский Союз, новый и столь неожиданный для них акт сталинского правительства породил величайшее смущение и растерянность и вызвал возмущение и негодование, как удар по делу мира, как измена делу демократии и социализма.

Заграничная Делегация РСДРП вполне разделяет эти чувства трудящихся масс. Но она считает своим долгом еще раз напомнить, что речь идет о политике Сталина, а не о политике советского народа: о политике режима, а не о политике страны, которую тоталитарная диктатура этого режима лишает всяких способов свободного политического волеизъявления. Самосохранение режима, все более резко сталкивающегося с интересами трудящихся масс, является верховным законом внутренней политики Сталина. Оно же диктует ему его политику внешнею. Боязнь всяких потрясений и, особенно, военных потрясений, могущих привести в движение народные массы, является источником и того скандального акта сталинской внешней политики, каким представляется советско-германский пакт.

Нет пока доказательств тому, что пакт этот прикрывает прямой союз с гитлеровской Германией, который был бы равносильным самоубийству сталинского режима, ибо никакая война не была бы столь опасна для этого режима, как война на стороне германского фашизма. С другой стороны, сами апологеты Сталина не могут отнестись серьезно к своим уверениям, что пакт с Гитлером заключается Сталиным ради каких-то далеких и таинственных социалистически-революционных целей, которые давно уже перестали играть роль в его политике. Но что несомненно, так это то, что пакт означает стремление оберечь и сохранить сталинское единодержавие, оставаясь в стороне от накликаемой фашистами войны и лавируя между обоими воюющими сторонами, а самый текст его ярко демонстрирует готовность

сохранять в развязываемой Гитлером войне абсолютный, более того — дружественный по отношению к агрессору нейтралитет.

Эта надежда иллюзорна, ибо иллюзорна самая мысль изолировать гигантскую страну от мировой военной катастрофы, наступлению которой так очевидно содействует советско-германский пакт. Но, преступно попирая интересы мира, демократии и социализма, основанная на этой надежде внешняя политика Сталина преступно нарушает и самые насущные интересы страны, которую он возглавляет, ибо снова укрепляет позиции тех, кто сегодня все еще пытается предотвратить войну за счет Советского Союза и кто завтра будет пытаться закончить ее за его счет.

Клеймя преступную внешнюю политику Сталина, российская социалдемократия еще раз напоминает о том, что его внешняя политика является естественным дополнением и следствием его внутренней политики. Без освобождения от тех цепей, которыми сковывает их сталинская диктатура, рабочие и крестьяне Советского Союза не смогут свернуть страны с тех гибельных пу-

тей непротивления фашизму, а то и прямой помощи ему, на которые толкает ее Сталин. Без демократической ликвидации сталинской диктатуры трудящиеся всех стран не смогут рассчитывать на деятельное участие гигантских сил советской страны в той отчаянной борьбе за мир, которая навязывается им всем мировым положением. Продолжая с возрастающей энергией и возрастающим единством ту политику активного противодействия агрессии, которой такой сильный удар нанес только что Сталин, рабочий и социалистический мир будет одновременно содействовать и разрешению той внутренней задачи, которая стоит перед трудящимися массами Советского Союза и разрешение которой сделает фронт демократии и социализма непобедимым в его смертельной схватке с варварством.

**Заграничная Делегация
Российской Социалдемократической Рабочей Партии.**

Париж, 24 августа 1939.

Р. АБРАМОВИЧ.

Мировая война номер 2

1.

Двадцать лет мира, — мира очень относительного, к тому-же! — оказались лишь промежутком между двумя мировыми войнами. При этом нет уже больше никакого сомнения в том, что мировая война номер 2, начавшаяся 3-го сентября 1939 года, и по своему существу и по своим основным двигателям является прямым продолжением первой мировой войны, начавшейся 1-го августа 1914 года.

Сейчас, оправившись от ран, и наново вооружившись, новогерманский империализм Гитлера дает второе и, надо надеяться, последнее сражение. Но эта война не только борьба Германии за мировое господство, это еще нечто иное и большее.

В том, что произошло в Европе за последние двадцать лет, все поразительно. Поразительно беспримерное усилие побежденной и, казалось бы, окончательно разгромленной Германии, вновь поднявшее ее на степень первоклассной военной державы и сделавшее ее способной бросить вызов соединенным силам всей Западной Европы. Но еще, может быть, поразительнее та слепота, с которой мир присутствовал при этом методическом, систематическом, планомерном, и, можно сказать, спокойном, при всей вибрирующей напряженности, восстановлении германского военного могущества, какое имело место за последние шесть с половиной лет. Ни у кого из государственных людей Европы не могло быть и тени сомнения относительно тех целей, ради которых Германия строит «пушки» вместо того, чтобы производить «масло». Да и национал-социалистиче-

ская диктатура ничуть своих намерений и планов не скрывала. Главный руководитель и пророк нового германского Рейха с большой откровенностью и достаточно подробно изложил свои планы в книге «Мейн Кампф», которая разошлась на всех европейских языках в миллионах экземпляров. Незнанием гитлеровских замыслов уже действительно никто не мог отговориться. И тем не менее «Европа» равнодушно и безучастно взирала на военные приготовления Гитлера и пальцем о палец не ударила, чтобы своевременно и бескровно им воспрепятствовать, пока еще не было поздно. Нам неоднократно приходилось уже указывать на тот сложный переплет самых различных факторов и причин, которые привели к создавшемуся чудовищному и парадоксальному положению. Тут сыграла роль и баснословная близорукость и узость горизонта буржуазных политиков разных стран, которые предпочитали жить политикой дня, не заглядывая в более отдаленное будущее и руководясь своими узко-национальными, мелко-эгоистическими, а подчас и мелочно-партийными интересами и соображениями; тут сказались и психологическая косность народных масс, в своем отвращении к войне намеренно закрывавших глаза на более отдаленные опасности и отступавших назад каждый раз, когда речь шла о решительных шагах, связанных хотя бы с минимальной опасностью вооруженного конфликта; тут оказали влияние и классовые страсти известных капиталистических кругов, которые приняли всерьез антикоммунистическую и антиреволюционную декламацию нацистских пропагандистов и хотели видеть в Гитлере «могучий барьер» против пролетарской революции. Но, как мы уже неоднократно подчеркивали, тут нельзя замолчать и нашей собственной вины и наших собственных ошибок. Отвращение рабочего класса к войне, пацифистские иллюзии, прочно укоренившиеся в рядах европейского демократического социализма, — все это делало организованный пролетариат неспособным выправить ошибки буржуазных классов и заставить их своим давлением пойти по пути активной анти-гитле-

ровской политики хотя бы связанной с риском войны *).

Таким образом вместо того, чтобы соединенными силами раздавить гитлеризм при самом его зарождении в январе 1933 года, что возможно было сделать без всякого пролития крови, путем простого предъявления ультиматума от имени великих держав; вместо того, чтобы приостановить дальнейшую ремилитаризацию Германии в ее основных этапах (в момент введения всеобщей воинской повинности, оккупации Рейнской зоны и т. п.), правительства западных держав каждый раз предпочитали «выжидать», и в этой пассивной политике их каждый раз укрепляла ошибочная тактика социалистических и рабочих партий, с ужасом отшатывавшихся от всего, что пахло «военной интервенцией», угрозой конфликта и т. п.

Но теперь уже поздно говорить об ошибках, спорить о том, возможно ли было или нет предотвратить вторую мировую войну. Факт тот, что она налицо, и необходимо, как указывает воззвание нашей Заграничной Делегации, сделать все, напрочь все силы для того, чтобы нанести гитлеризму сокрушительное военное поражение.

Решительно все сходятся на том, что начавшаяся ныне война будет носить длительный характер. Все однако согласны также на том, что возможны начальные успехи Германии, и что государствам демократического блока мира придется пройти через временные неудачи и разочарования. Об этом со свойственной ему прямоотой заявил в своей вступительной министерской речи Винстон Черчилль; на это совершенно ясно указывает и король Георг VI в своем радио-обращении к народам Британской Империи. Такого рода откровенные речи гораздо полезнее даже с чисто военной точки зрения, чем возбуждение ура-патриотических иллюзий насчет «быстрых побед». Надежды на молниеносную победу до сих пор были специальностью гитлеровской пропаганды, и ей их нужно и оставить. Гитлеровскую Германию именно и погубят эти — искренние или нет! — иллюзии насчет возможности в очень короткий срок справиться с враждебной ему коалицией держав.

* Автор этих строк не хочет и с себя и своих единомышленников снимать свою долю ответственности. В отличие от многих социалистов, я уже в самом начале гитлеровской диктатуры воспринял ее по основному существу, как ренессанс **германского империализма**, а не как высшую форму капиталистической реакции против опасности пролетарской революции, и в этом смысле сделал доклад на заседании Исполкома РСИ в Цюрихе 18-19-го марта 1933 г. Но и я еще долго не решался сделать из этих правильных посылок правильный вывод — о необходимости немедленной военной интервенции западных держав в Германии.

Надо считаться, конечно, с теоретической возможностью, что чудовищная военная машина Германии принесет ей на первых порах известные успехи на Востоке. Не располагая, благодаря измене Сталина, возможностями прямой и быстрой военной помощи Польше на восточном театре действий, западные державы вынуждены будут на первых порах ограничиться атакой «линии Зигфрида», которая, при всех недостатках ее конструкции, на которые указывалось в печати, все же вероятно на сравнительно долгий срок задержит продвижение союзных армий на западной границе Германии. Этим сроком Германия воспользуется для попытки решающих боев на востоке.

Военные перспективы и чисто-военная сторона дела не наша специальность.

Но уже теперь ясно одно: война эта, мировая война номер 2, не будет разрешена одной только военной техникой. Как и в прошлой войне, окончательный перевес той или иной стороне даст соотношение экономических сил, сырьевых баз, финансовых резервов и человеческого материала, т. е., в числе прочих, и морально-политических факторов.

Во всех этих отношениях несомненное превосходство на стороне коалиции демократических держав, и это в конце концов решит участь войны. Участь Гитлера predetermined. Но для того, чтобы факторы экономические, финансовые, моральные могли проявиться с достаточной силой, нужно время. Гигантские военные резервы, накопленные Герингом через несколько месяцев будут истощены. Их воспроизводство в достаточном количестве и в нужном качестве будет для гитлеризма становиться все более и более нереализуемой задачей, если принять во внимание, что Германия уже сейчас довела свое военное производство до пределов возможного, между тем как демократические государства, бесконечно более богатые во всех отношениях, до сих пор работали «с прохладцей» и могут еще во много раз увеличить свою продукцию. С каждым дальнейшим месяцем войны соотношение в этой области будет изменяться в сторону, благоприятную для «союзников». Германии снова, как и в прошлую мировую войну, придется выдержать период жестокой нужды. Но к этому на сей раз присоединится и прямой голод. Ибо в 1914-ом году Германия как-никак вступила в войну с обширными сырьевыми и продовольственными запасами, между тем как на сей раз продовольственные карточки — и очень скупо отмеренные! — были введены еще до начала военных действий.

2.

Предоставленная самой себе в смысле продовольственного и сырьевого снабжения, Германия без всякого сомнения должна потерпеть жесточайший разгром. Но не спасет ли ее от этой перспективы новоявленный друг и защитник гитлеровской Германии — Сталин? Германское радио ведь недаром сейчас так рекламирует на все лады «неисчислимые естественные богатства» Советского Союза! Поставки Германии со стороны России, конечно, не исключены и даже вероятны. Но тут надо не впадать в «отрицательные иллюзии». Ведь это только в представлении большевизанствующих путешественников Советская Россия «страна млека и меда». На самом деле мы знаем, что, несмотря на все успехи, достигнутые советской промышленностью за последние годы, состояние ее сырьевых и пищевых ресурсов в высокой степени неудовлетворительное. Советский гражданин сам ходит хронически недоедающий, а проблема ботинок или костюма до сих пор не разрешена для

значительной части населения Советского Союза. Что при таких условиях может Россия, при всех своих потенциальных богатствах, дать в данный момент гитлеровской Германии? Конечно, огромным облегчением для Германии будет, если Россия будет ее снабжать нефтяными продуктами, марганцем, медью и т. п. промышленным сырьем. Но в больших количествах и на долгий период даже это будет невозможно для Сталина, не говоря уже о том, что ведь встанет проблема оплаты, — проблема не так легко разрешимая для бедного золотом гитлеровского режима в момент столь жестокой борьбы на два фронта.

Но позволительно поставить еще один вопрос — самый важный: верно-ли вообще, что Сталин будет так стремиться помогать Гитлеру? Верно-ли, что между этими двумя диктатурами — сталинской и гитлеровской — существует, помимо родства духа, еще и достаточная общность интересов, которая могла бы их привести к прямому военному союзу?

Официальное германское радио от 2-го сентября в чрезвычайно подчеркнутой форме оповестило мир о прибытии в Берлин советской военной миссии в составе нескольких генералов, и о торжественной встрече, оказанной им на берлинском аэродроме. С другой стороны, Гитлер за последние дни, когда еще шла речь о мирном компромиссе, усиленно хлопотал о почетном местечке для Сталина в концерте европейских держав. А в последнем германском меморандуме Англии, сообщенном послан фон Риббентропом, одним из основных пунктов является обязательство Германии «никогда и ни при каких условиях» не выступать против Советской России. Трогательная дружба, доходящая до пресловутой германской «верности Нибелунгов»!

Нужно-ли однако предполагать, что за этим скрывается прямой военный союз между Германией и Советской Россией? Мы не настолько наивны, чтобы отбрасывать — для Сталина! — эту мысль, как «чудовищную» по соображениям морально - социалистическим. Об этой возможности в нашем журнале писалось уже больше года тому назад, и разоблачения (невольные!) «Франкфуртер Цейтунг» проливают достаточно яркий свет и на эпизод с отставкой Литвинова и, еще раньше, на ту «чистку», которая была Сталиным произведена, чтобы облегчить себе в дальнейшем возможность того поворота, который он произвел через 2-3 года, 23 августа 1939 года. Но даже допуская, что сталинский режим уже окончательно выродился в своеобразную форму фашизма, все же трудно понять, для чего Сталину может понадобиться победа Гитлера в мировом масштабе. Чего может ожидать сталинская Россия, оставшись тет-а-тет с Гитлером на мировой арене, «очищенной» от Франции, Англии и других демократических держав? Не вытаски-ли тогда Гитлер снова из-под спуда жупел анти-коммунизма, и не вспомнит-ли о бедном Розенберге, сейчас впадшем в забвение?

Наша Заграничная Делегация, в двух документах, опубликованных в этом же номере, указывает на истинную причину поведения Сталина. Сталин не вошел в блок демократических анти-гитлеровских держав потому, что, сознавая внутреннюю слабость своего режима, опасаясь тех потрясений, с которыми неизбежно было бы связано для страны участие в тяжелой и длительной войне. Заботясь исключительно о сохранении своей власти, этот «величайший революционер всех времен и всех народов», этот «величайший мыслитель 20-го века» пошел на то предательство, от которого краской стыда должно загореться лицо у каждого честного советского гражданина. Но, если Сталин, опасаясь за свой «хрупкий» режим, уклонился от участия в войне на стороне анти-фашистских держав, то нет никакой логики в том, чтобы он стремился запу-

таться в ней на другой стороне: опасность для его власти в случае присоединения к гитлеровской армии будет еще больше, чем в случае участия в войне на стороне демократических держав.

Надо поэтому предполагать, что по своим собственным, узко-национальным, если можно так выразиться, вернее «узко-режимным» интересам, Сталин отнюдь не будет активно участвовать в войне и не будет лезть из кожи, чтобы помочь Гитлеру выиграть войну. Но нам приходилось уже указывать и еще на одну возможную концепцию, способную объяснить поведение Сталина. Мы писали об этом в момент, когда в Москве еще велись переговоры с британской и французской военными миссиями, и когда совершенно непонятная затяжка этих переговоров вызвала у нас подозрение, не ли тут с ознательного саботажа переговоров со стороны Сталина. И вот в этой статье мы высказали предположение, что Сталин, в своем увлечении бонапартистски - революционно - мировыми планами мечтает о том, чтобы Гитлер и демократические державы надолго увязли во взаимной борьбе и истребительной войне друг против друга. Россия, оставаясь в стороне и все увеличивая свою мощь, будет спокойно выжидать момента, когда оба противника, почти равные друг другу по силе, будут лежать обессиленные и истекающие кровью на земле, и когда мировое господство, выпавшее из обессиленных рук

само упадет как зрелый плод в своевременно подставленную военную фуражку Сталина.

Но и указанная перспектива, если она действительно руководит Сталиным, также предписывает ему соблюдать нейтралитет, а не активно помогать Гитлеру.

Итак, и с этой стороны мы приходим к тому же выводу о необходимости готовиться к длительной войне на истощение.

3.

В эту полосу кровавого хаоса и величайших бедствий для всего населения Европы пролетариат вступает разделенным на два резко противопоставленных друг другу лагеря. Надежды всех тех, которые мечтали о сближении между социализмом и коммунизмом, которые, после десятилетий раскола, надеялись найти, наконец, какую-то возможность сотрудничества на основе создания единого фронта в совместной военной обороне против агрессии, оказались еще раз обманутыми. Большевицкая диктатура, которая с самого своего зарождения явилась источником раскола и слабости пролетариата во всем мире, осталась до конца верна своей злосчастной традиции: ей удалось и на этот раз, благодаря преступной политике Сталина, добиться того, что пролетариат вошел в эту войну расколотым, разбитым, деморализованным. Но нужно признать, что самый сильный удар Сталин нанес мировому коммунизму, своим собственным партиям, которые он с таким трудом выпестовывал в течение двух десятков лет.

Кризис коммунистической идеологии и коммунистической морали начался прежде всего, вне всякого сомнения, в самой России. «Единогласие» столь счастливо проявившееся в Верховном Совете и в Совете Национальностей при ратификации советско - германского пакта, никого, конечно, обмануть не может. На самом деле совершенно невозможно себе представить, чтобы отупение и одичание всего советского народа, в том числе миллионов членов коммунистической партии и комсомола, достигало такой степени, чтобы массы без всякого сопротивления, без возмущения или хотя бы внутренней растерянности проглотили этот столь неожиданный

ный и чудовищный «скачок» сталинской политики. Можно отчетливо видеть по реакции заграничных коммунистов, обычно столь покорных и бессловесных, насколько последние события потрясли идеологически и морально коммунистического середняка. На первых порах преобладает растерянность. Он не понимает, что такое произошло; он не может себе объяснить случившегося; с другой стороны, он не может допустить, чтобы «великий вождь» и «отец народов» выкинул такого рода штуку. Он, поэтому, цепляется, как за соломинку, за мысль, что тут со стороны Сталина ведется какая-то очень хитрая и тонкая политика против Гитлера; что вот-вот скоро Сталин объяснит перед всем миром свое поведение, и тогда всем станет ясно, какой он замечательный революционер и какая гигантская услуга делу мира и пролетарской революции была оказана тактикой советского правительства. Но с каждым дальнейшим днем, с каждой новой бомбардировкой открытых городов гитлеровскими самолетами, снабженными советской нефтью, коммунистическим рабочим Европы будет все труднее и труднее объяснить себе политику большевистской диктатуры. То глубокое противоречие между оборончесо-патриотической тактикой внутри страны и одновременным одобрением советско-германского пакта, на которое уже указал Блюм в своем ответе Кашену, будет в ходе войны становиться все более и более непреодолимым. Рабочие массы, даже яро-коммунисти-

ческие, скоро убедятся, что советско-германский пакт не только не был «величайшей услугой делу мира», как писали коммунистические публицисты в первый момент, а наоборот — разрешением, выданным Сталиным Гитлеру на начало военных действий: ведь теперь весь мир убедился, что Гитлер только и ждал ратификации советско-германского пакта, чтобы начать военные действия против Польши и разорвать переговоры с Англией, которые он, как теперь ясно, вел исключительно для выигрыша времени. Но если тактика Сталина была направлена не на спасение мира, а наоборот — на развязывание войны в пользу Гитлера, то каким-же образом коммунизм может рекомендовать своим приверженцам напрягать все свои силы для того, чтобы нанести поражение Гитлеру?!

В массах европейских коммунистов, не привыкших, несмотря на все «воспитание» Москвы, к тому поистине дьявольскому макиавелизму, на котором держится вся политика Сталина, должен неминуемо начаться и все больше углубляться тяжелый идейный разброд.

На чью пользу пойдет разочарование европейских рабочих масс в коммунизме и большевизме? Окажется ли европейский демократический социализм достаточно сильным и зрелым, чтобы взять на себя историческую миссию идейной ликвидации коммунизма и собирания всех сил рабочего класса под своими знаменами?

Это проблема, к которой придется вернуться особо.

Ф. ДАН.

Под гром пушек

(Мысли вслух)

Непоправимое совершилось. 1-го сентября армии Гитлера перешли в наступление против Польши, встретившей военный удар военным отпором. В 11 часов утра 3 сентября вступила в войну с Германией Англия, и в 5 часов того-же дня — Франция. Через 25 лет после начала прошлой войны Европа — и вряд-ли одна Европа! — снова испытает все ее ужасы, разрушения и бедствия, во сто крат усиленные теми чудесными завоеваниями науки и техники, которые были сделаны с тех пор и которые не столько пошли на пользу нуждающегося и страждущего человечества, сколько были, увы, почти целиком конфискованы на военные надобности.

Лавина тронулась и бесконечно многое навеки сметет с лица земли в своем разрушительном шествии. Много ценного, нужного, важного, высокого будет похоронено. Но прежде всего не устоит под ее напором все отжившее, источенное историческою ржавчиною и гнилое в своей сердцевине. Слепая стихия войны, развязанной преступной волей одного режима и даже одного человека, олицетворяющего этот режим, но подготовленная длиною цепью все обострявшихся противоречий, будет с чудовищной силой врваться во все сферы жизнедеятельности общества, беспощадно подчиняя себе, ломая и по своему преобразовывая не только его культуру и мораль, но и его политику, экономику, социологию. Человеческое общество выйдет неузнаваемым из этой страшной и кровавой исторической лаборатории. Старое минует безвозвратно.

Это надо прежде всего понять тому, кто хочет одержать в начинающейся ныне войне победу. В этой войне нельзя победить, ориентируясь лишь на восстановление старого, ведя войну консервативно. Чтобы победить, на-

до не упираться против исторических необходимостей, а сознательно идти навстречу тем новым формам человеческого общежития, которые рождаются в муках, крови и грязи войны, приспособляя их к потребностям, нуждам и идеалам борющегося за свое существование народа.

Вот почему руководящее участие в политическом и идеологическом ведении войны тех народных сил, которые по самой природе своей выступают носителями прогрессивной исторической новизны, является непременным условием победы. И вот почему лишь вокруг этих сил может сложиться то национальное единение, без которого победа невозможна. Социалистический рабочий класс должен не только со всею страстью вложиться в подготовку победы над Гитлером: он должен стремиться стать организатором этой победы. Социалистический рабочий класс должен быть не пассивным и подчиненным участником национального единения: он должен стать его активным строителем и возглавителем.

Война сметет все обветшалое и отжившее. Но она уже заранее выносит смертный приговор многим режимам и многим идеологиям. И прежде всего — режиму Гитлера и идеологии (если можно употребить это слово в данном случае!) национал-социализма.

Поощряемый долгодетнею безнаказанностью и легкими успехами своего внешне-политического бандитизма, Гитлер должен был слишком зарваться в своем авантюризме, и отступление должно было стать слишком опасным для его режима, чтобы рискнуть пойти на большую войну. И положение его должно было стать отчаянным, чтобы заставить его броситься, очертя голову, в

омут германско - большевистского сговора. Поможет ли ему этот отчаянный прыжок?

В 1917 году Вильгельм пытался использовать для спасения германской монархии большевистскую революцию в лице Ленина; в 1939 году Гитлер пытался использовать для спасения германского фашизма большевистскую контр-революцию в лице Сталина. Все говорит за то, что за свой опыт германский фашизм заплатит, в конце концов, так же дорого, как заплатила германская монархия за свой.

Предвестники этой грядущей расплаты уже налично. Внутри Германии эта внезапная «дружба» с большевизмом, который свыше 20 лет фигурировал в пропагандистском арсенале национал - социализма, наряду с иудейством, как самый большой, смертельный враг, не могла не вызвать под'ема настроений у врагов режима, не могла не внести величайшей смуты в умы его сторонников: фашизм, так умело играющий на психологии масс, не может не понимать, какое роковое для него значение могут приобрести эти факторы морально-идейного порядка в ходе начинаемой им войны!

Но еще более роковой уже оказалась фактическая ликвидация анти-коминтернского пакта для внешне-политического положения гитлеровского режима. Для одних — Япония! — эта ликвидация послужила действительной причиной, для других — Испания! — предлогом порвать узы, связывающие их с Германией.

«Друзья» заранее покидают обреченный на гибель гитлеровский корабль.

В отличие от 1914 года, Германия под руководством Гитлера, бросается в бой, уже заранее подорванная экономически (продовольственные карточки!), политически, идейно и морально. В отличие от 1914 года, Германия под руководством Гитлера идет в этот бой с противостоящей ей могущественной коалицией на деле совершенно изолированная и одинокая. 1914-ый год закончился разгромом германской монархии. Как может 1939-ый год закончиться победой германского фашизма?

Правда, Гитлер хорошо знает, что в этой войне нельзя ориентироваться на старое, нельзя быть консервативным. Лишив себя возможности вести войну под знаменем «анти-большевизма», он уже пытается начать ее под знаменем «анти-капитализма». В известном смысле его «анти-капитализм» — не просто ложь. Спасая капиталистов, его фашистский режим наносит непоправимые удары капитализму, как тому строю, в рамках которого европейские народы в течение последних двух-трех веков, не только жили, но росли и крепились материально и духовно, делали грандиозные технические и культурные завоевания.

«Анти-капитализм» Гитлера смотрит не вперед, а назад. Его политика не революционна, а контр-революционна. Его «новизна» означает идейный, моральный и культурный возврат к уровню хвостатых предков человечества. И именно поэтому германский фашизм заранее обречен. На самом пороге новой войны германская революция стучится в двери истории — и, можно поручиться, не хилая, и малокровная революция 1918 года!

**

Война заранее выносит смертельный приговор режиму Гитлера. Она выносит его и режиму его нового «друзья» — Сталина. Для спасения своего единодержавия Сталин хочет использовать загнанный в исторический тупик германский фашизм. Это ему так же не удастся, как не удастся Гитлеру попытка использовать для сво-

его спасения загнанную в исторический тупик Сталинскую диктатуру. Сталинская диктатура и гитлеровская диктатура могут еще известное время отравлять своими ядовитыми газами человечество, заливать кровью и грязью землю: политически они уже — ходячие живые трупы!

Никто не может точно предсказать, каковы будут ближайшие судьбы Советского Союза в начинающейся войне и какое место займет советская страна в первые периоды этой войны. Одно только можно сказать: смешотворна самая мысль о том, чтобы гигантская страна могла, на подобие какой-нибудь крохотной Швейцарии, мирно отсидеться от мировой катастрофы в своем «углу», занимающем шестую часть земного шара! Сталинская карта, поставленная на иллюзорную самоизоляцию, заранее бита!

Своим чудовищным предательством Сталин хотел обеспечить себя на Дальнем Востоке. Кто знает, не подготовил ли он собственными руками японо - китайский компромисс, как основу для вхождения и Японии, и Китая в англо-французский анти-гитлеровский, т. е. ныне силою вещей и анти-Сталинский блок?

Своей «дружбой» с германским фашизмом Сталин хотел обеспечить своему режиму возможность «невмешательства» в ту палаческую расправу, которую Гитлер будет творить над польским народом на самой границе Советского Союза, и в ту войну, в которую германский диктатор ввергает Европу и весь мир. Кто поручится, что, задумав «поймать» диктатора Германии, кремлевский диктатор сам не попал к нему в плен? Или, говоря проще, что Сталин не будет вынужден все больше играть роль гитлеровского ставленника в Советском Союзе, гитлеровского агента, который должен будет — сначала ставить на обслуживание военных надобностей своего национал - социалистического хозяина все гигантские ресурсы советской страны, а потом пытаться поставить ему на службу и весь человеческий материал ее?

Конечно, не «идеологические» мотивы могут помешать Сталину играть роль гитлеровского приказчика и союзника. В стране всем ходом развития накоплен громадный революционный, демократический и социалистический потенциал. Но Сталинский режим — я не устаю подчеркивать это! — все больше превращается в вмесстелище тенденций, ведущих его, с другого конца, но к тому же рубежу, к которому идет гитлеровщина. Ленинский «коммунизм» давно уже вырождается в руках Сталина в «анти-капитализм» гитлеровского типа, уничтожающий все ценное и культурное, что нес с собою капитализм в эпоху своего под'ема и расцвета, но до последних пределов развивающий все те средства эксплуатации и угнетения, которыми располагал и располагает капитализм, и стремящийся превратить народы в безгласное человеческое стадо, управляемое всеильным «вождем».

Нет, если Сталин будет до последней возможности уклоняться от военного союза с Гитлером, хотя бы и сулящим ему куски Польши, Бессарабию, Прибалтику и проч., то только потому, что он хорошо знает: всякая война опасна для его режима, но война в союзе с германским фашизмом наверняка и очень скоро свернула бы этому режиму шею.

Для народных масс, в которых живы революционные, демократические и социалистические тенденции, такой союз был бы непереносим потому, что это союз с фашизмом. Для окружающей Сталина и подпирющей его диктатуру привилегированной верхушки советского общества этот союз был бы непереносим потому, что это союз с фашизмом германским. Ни гнусная речь Молотова, ни единогласная ратификация германо - советского договора Верховным Советом,

разумеется, не должны вводить в заблуждение. Об «анти-германских» традициях русского национализма напоминает роковая роль, сыгранная распутинско-германфильскими тенденциями в судьбе Романовской монархии. И недаром и новоявленный патриотизм привилегированной верхушки советского общества самим Сталиным систематически воспитывался в анти-германском духе («Ключи Берлина!»), канонизацией «святого» победителя тевтонов, Александра Невского, непосредственно связавшем себя с анти-германским духом Московской Руси и православной церкви. Когда наступит исторический час вступления и Советского Союза в войну — а вряд ли можно сомневаться, что этот час недалек! — верхи и народные низы советского общества будут объединены против Сталина, чтобы поставить советскую страну в ряды анти-гитлеровского блока.

**

Связав свой режим с режимом Гитлера, Сталин сам запечатлел его судьбу: новая война так же ликвидирует его, как война прошлая ликвидировала режим романовской монархии. Вопрос лишь в том, кем и как он будет ликвидирован: привилегированной верхушкой советского общества в порядке дворцового или военного переворота, или рабоче-крестьянскими массами в порядке организованного использования всех тех экономических, социальных и политических рычагов, которые созданы более чем 22-летним развитием революции. Ответом на этот вопрос будут предрешены ближайшие политические судьбы советской страны. Но при любом ответе гибель сталинского единодержавия неизбежна, и Сталин сам начал рыть ему могилу в ту минуту, когда, цинично улыбаясь, протянул руку фон-Риббентропу.

Но, одновременно с собственным режимом, Сталин увлекает за собою в историческую могилу и весь большевизм, непогрешимым папой которого его провозгласили сами коммунисты.

Не случайно, конечно, что, как я уже напомнил выше, и революционные начала большевизма и контр-революционные концы его одинаково пыталась и пытается использовать в своих интересах и монархическая реакция, и фашистская контр-революция. Это доказывает, что в самой идеологии большевизма, как примитивной и азиатски-грубой формы рабочего социализма, имеются элементы, делающие возможным такое использование.

М. КЕФАЛИ.

Новая мировая бойня и русский рабочий класс

Мировая катастрофа разразилась.

Полусумасшедший фанатик, полуварвар, полужверь, — Адольф Гитлер, — осуществил-таки свою заветную мечту и зажег пожар европейской и, по всей вероятности, мировой войны.

В эти грозные для всей мировой цивилизации дни и часы другой Гитлер, восседающий в Москве и именуемый Сталиным, во имя сохранения своей диктатуры, приковал Россию к колеснице германского национал-социализма, вдохновителя и руководителя мирового нацизма. Пакт Молотов-Риббентроп, подписанный в тот самый момент, когда фашистские банды Гитлера производили последние приготовления, чтобы броситься на намеченную жертву, и ратифицированный за несколько часов до вторжения германских полчищ в Польшу, —

Но грехи революционных начал его были с избытком перекрыты в глазах многомиллионных масс и России, и всего мира тою ролью возглавителя грандиозной народной революции, которая выпала на его долю. Услуги, которые он и после того не раз оказывал всяческой реакции и фашизму, и — в частности и в особенности! — германскому национал-социализму, прошались ему ради того «строительства», которое в годы, отмеченные в других странах разрушениями безысходного кризиса, совершалось в Советском Союзе. Но в своих контр-революционных концах выродившийся большевизм Сталина не может предъявить уже ничего, что заставило бы трудящиеся массы и Советского Союза, и всего мира забыть о чудовишном предательстве, им совершенном и сделавшем его прямым соучастником гитлеровского преступления, жертвами которого падут миллионы убитых, искалеченных, осиротевших, разоренных.

Выродившийся большевизм связал себя, в лице самых авторитетных своих представителей в Советском Союзе и во всем мире, со Сталиным. Сталин связал себя с Гитлером. Они все упадут в одну и ту-же историческую могилу, которую разверзает перед ними война.

**

Война уже пишет смертные приговоры режимам и идеологиям. Но смертные приговоры истории не приводятся в исполнение автоматически. Их приводят в исполнение люди, группы, партии, классы, накладывающие свою печать на ход событий.

На демократический социализм, в лице всех его национальных отрядов и его международного объединения, ложатся задачи колоссальной важности и ответственности. Но об этом — в следующий раз. Сейчас довольно сказать, что было бы поистине преступлением не сделать всего для того, чтобы война, начатая национал-социалистическими преступниками, была действительно последней войною — не только для людей моего поколения и возраста, но и для всего человечества, и чтобы победа над Гитлером открыла действительно новую страницу истории, заполненную уже не повестью о человеческом страдании, унижении, угнетении и взаимоистреблении, а повестью о человеческом шествии — к политической свободе, к социальному равенству, к моральному братству всех рас и народов!

говорит сам за себя и ни в каких комментариях не нуждается.

В созданной Гитлером и Сталиным новой обстановке для нашей партии, в качестве партии русского рабочего класса, возникает ряд новых обязательств.

Клеймя очередное предательство Сталина, мы считаем нужным во всеулышание заявить, что этот акт московский диктатор мог совершить только против воли русского рабочего класса, обесправленного и обезоруженного двумя десятилетиями тирании террористической диктатуры. Не может быть сомнения в том, что в критические минуты борьбы не на жизнь, а на смерть, развязанной германским национал-социализмом, русский рабочий класс на стороне демократии и свободы. Политическая, экономическая и идеологиче-

ская дружба, завязавшаяся между Гитлером и Сталиным, встретит решительное сопротивление всех русских пролетариев, которые дружно восстанут против беспримерного предательства интересов демократии, свободы и социализма и со всей энергией поведут борьбу за разрыв с Гитлером и за вовлечение России в антифашистский фронт цивилизации, гуманизма и свободы. В тесном союзе со всеми демократическими силами страны, прежде всего в союзе с крестьянством и интеллигенцией, рабочий класс России всем своим удельным весом в стране во всех решительно эффективных формах будет давить на обезумевшую диктатуру, чтобы вынудить ее к отказу от содружества и сотрудничества с темными и варварскими силами самого мрачного средневековья. Этим самым для русского рабочего класса во весь рост становится проблема ликвидации режима Сталина и замены его режимом демократического самоуправления.

Гигантскую очистительную и освободительную борьбу во имя окончательного поражения мирового нацизма русский пролетариат поведет бок-о-бок с рабочим классом демократических стран, — в первую голову Англии и Франции, — уже занявшим совершенно ясную позицию в кровавом споре между германским фашизмом и мировой демократией. В сознании своей огромной ответственности перед историей французские и английские рабочие, их социалистические партии и профессиональные организации заняли свои боевые позиции на фронте войны против правительства Гитлера, против варварства, за свободу и демократию. Они целиком вложились в дело обороны своих свободных стран. Это-же сознание ответственности перед историей, вне сомнения, будет руководить ими на всем протяжении войны, подсказывая необходимые разум и самоограничение, умение подчинять интересы сегодняшнего дня грандиозной задаче разгрома германского фашизма.

В эти грозные для всего человечества дни честные пролетарии-коммунисты Англии и Франции не составят исключения и не образуют прорыва на фронте демократии и свободы. Они найдут в себе достаточно мудро-

сти и решимости, чтобы покончить со связью и зависимостью от московской диктаторской клики, и внутри, а сейчас и во-вне, мало чем отличающейся от гитлеризма, и открыть рабочим коммунистам дорогу для общей, солидарной с социалистическим пролетариатом борьбы за свободу, демократию и социализм. Пакт Сталина-Гитлера является прямым предательством, и рабочие коммунисты никогда не сделаются соучастниками этого предательства, хотя-бы в отдаленной степени.

Русский рабочий класс в своей борьбе за разрыв советского правительства с гитлеровской Германией будет иметь на своей стороне не только пролетариат Англии и Франции.

Рабочий класс Германии, миллионы членов существовавших до Гитлера свободных профсоюзов, тринадцать миллионов социалдемократических и коммунистических избирателей, стонущих под гитлеровской диктатурой, страстно желают победы свободы и демократии над правительством Германии; поддержка, которую оказал Сталин Гитлеру, рабочими Германии сейчас воспринимается и с полным основанием, как поддержка их палачу. От русского пролетариата германский рабочий класс ждет братской помощи. Единственная возможная сейчас форма этой помощи — борьба за разрыв России с гитлеровской властью. Придавленный, униженный и разбитый германский рабочий класс имеет сейчас в руках винтовки. Солидарность с ним, симпатия и помощь ему со стороны английского, французского и русского пролетариата поможет ему повернуть свои штыки против заклятого врага пролетариев всего мира.

В сочувствии и поддержке пролетариев всех нейтральных стран той борьбе, которую должен развязать и развяжет русский рабочий класс против пакта Сталин-Гитлер, сомневаться не приходится ни секунды.

Все на борьбу с варварством, все на работу для разгрома нацизма в лице его вдохновителя и руководителя Адольфа Гитлера! Рабочий класс России взявший на себя почин великой русской революции, не может оказаться вне антифашистского фронта в те часы и дни, когда Гитлер ввергает весь мир в пучину неслыханной катастрофы.

С. ШВАРЦ.

Подготовка германо-советского сближения

Так называемый «договор о ненападении», заключенный между Советским Союзом и гитлеровской Германией, является в истории международных отношений одной из самых поразительных — и самых отталкивающих побед **тайной дипломатии**. Когда-нибудь историки, которым будут доступны архивы наркоминдела и германского министерства иностранных дел, нарисуют подробную картину закулисных переговоров между двумя диктаторами. Задача обозревателя-современника скромнее: отметить те разрозненные и частью на первый взгляд незначительные факты, которые позволяют восстановить в основных чертах ход событий или, по крайней мере, выяснить некоторые существенные моменты развития, завершившегося подписанием договора 23-го августа.

Со времени вступления Советского Союза в Лигу Наций (в конце 1934 года) внешняя политика СССР развивалась под знаком идеи **коллективной безопасности**. Но во второй половине 1938 г. все явственнее начали обнаруживаться признаки приближающейся внешнеполитической переориентировки Советского Союза и отхода его от европейской политики. Особенно отчетливо это сказалось в сентябре прошлого года в период чехословацкого кризиса. Правда, политика

Советского Союза во время этого кризиса не была однозначна, обнаруживая различные и частью противоречивые тенденции. Но основная тенденция этой политики выступала с полной отчетливостью: чехословацкий кризис не затрагивает непосредственно интересов СССР, Советский Союз отступает поэтому на задний план, предоставляя разрешение его непосредственно заинтересованным средне- и западно-европейским государствам (см. обзор «Советская пресса в дни чехословацкого кризиса» в № 19 «Социалистического Вестника» за прошлый год). Кстати сказать, эта пробивающаяся **изоляционная тенденция** советской внешней политики как-то своеобразно шла навстречу стремлению к вытеснению СССР из европейской политики, характерному не только для Гитлера, но в этот период в известной мере и для Боннэ и Чемберлена.

В марте текущего года, при новом обострении чехословацкого кризиса эта тенденция нашла себе уже гораздо более резкое выражение — в речи Сталина на 18-ом с'езде ВКП (10-го марта); и уже в этой речи с полной отчетливостью обнаружилось, что если в советской внешней политике побе-

дит изоляционистская тенденция, политика эта на практике приобретет прогитлеровский характер.

Правда, Германия, были прямо названы в речи Сталина агрессорами, образовавшими «военный блок», развязавший «новую империалистическую войну». Но Сталин избегает даже и намека на то, что агрессивная политика

блока может быть направлена против Советского Союза: она обращена лишь «против интересов Англии и Франции в Европе», «против интересов США, Англии и Франции в Азии». Эта мысль варьируется на все лады, но о Советском Союзе в этой связи ни разу нет и речи.

Это не значит, что Советскому Союзу не грозит опасность. Но исходит она — от Франции, Англии и Соединенных Штатов. Мысль эта у Сталина еще несколько завуалирована, но вскрыть ее не представляет труда:

«Новая империалистическая война стала фактом...

Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию... Войну ведут государства агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам одну уступку за другой... Чем объяснить такой однобокий и странный характер новой империалистической войны?»

«Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств», спрашивает Сталин и отвечает категорическим нет: «Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее государств и в экономическом и в военном отношении».

Но, может быть, уступки демократических государств агрессорам объясняются их «чувством боязни перед революцией»? Мысль эта, получившая широкое распространение в европейских социалистических и особенно коммунистических кругах, тоже отвергается Сталиным. Во всяком случае «это сейчас не единственная и даже не главная причина»:

«Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции, ...от политики коллективного отпора агрессии, в переходе на позицию невмешательства... В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии вступить в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских (среднеевропейских?) делах, вступить в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира“, и продиктовать ослабшим участникам войны свои условия».

Так неагрессивные государства сознательно делают Германии одну уступку за другой («уступили ей Австрию», «уступили Судетскую область» и т. д.), «толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу». О том, что Советскому Союзу угрожает действительная опасность со сторон Гитлера, в речи Сталина нет ни слова. Даже угроза Украине, о которой так много писали зимою в европейской печати, изображается — и высмеивается — Сталиным, как мнимая угроза. И шум в европейской печати, оказывается, лишь «имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований». Но «партия» окажется на высоте задачи и не даст «втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

Эта аргументация развивается и в передовой «Правды» от 13-го марта, так и озаглавленной: «Мудрый сталинский анализ международного положения». И здесь в частности отмечается, что «подозрительная шумиха, поднятая европейской и американской печатью вокруг несуществующей „украинской проблемы“, явно имела целью отравить атмосферу советско-германских отношений; подобным неуклюжим приемом провокаторы рассчитывали возбудить ярость советской страны против Германии, а, с другой стороны, толкнуть Германию на глупый и безрассудный поступок». Но «мудрая сталинская внешняя политика умеет во время разглядеть и парировать неуклюжие провокации внешних врагов советской страны». Тут уже не остается никаких сомнений, что «провокаторы войны» и «внешние враги» это Англия, Франция и Соединенные Штаты, но отнюдь не гитлеровская Германия.

В основных чертах это был возврат к старым идеям Сталина, лежавшим в основе советской внешней политики до середины 1934-го года и в частности с подчеркнутой резкостью формулированным Сталиным же на 17-ом съезде компартии (в начале 1934 г.)^{*}). Но замечательно, что на 18-ом съезде идеи эти как будто не нашли отклика. И поскольку делегаты съезда касались внешнеполитических вопросов, они оставались на почве, правда, несколько упрощенного и шовинистически окрашенного, «антифашизма», видящего гарантию против фашистской агрессии в коалиции неагрессивных государств, словом, на почве той политики, которая для Советского Союза связана с именем Литвинова.

Временами даже казалось, что участники съезда просто не замечают глубокой принципиальной разницы между той и другой политикой. Но если это и было, может быть, так для большинства участников съезда, руководители его, конечно, не могли не отдавать себе отчет в том, что речь Сталина открывает перспективу разрыва с той политикой, которая условно может быть названа «политикой Литвинова». И если на съезде царил такое смешение понятий, руководству компартии оно, очевидно, для чего-то было нужно. Для чего? Сейчас, кажется, уже можно дать ответ на этот вопрос. В свете дальнейших событий речь Сталина приобретает совсем особый смысл. Это была попытка поставить вопрос перед Гитлером о сближении с Советским Союзом. И пока оставалось невыясненным, пойдет ли Гитлер на предлагаемый ему договор, решено было не отказываться от оружия литвиновского

Сообщение об аннексии Чехословакии Германией (15-го марта) пришло в самый разгар работ съезда ВКП. Но, съезд, заседавший еще до 21-го марта, ни одним словом не коснулся этого события. Ораторы съезда сменяли друг друга на трибуне, говорили о чем угодно, но только не о том, что в эти роковые дни волновало весь мир. Трудно было бы и придумать более яркую иллюстрацию намечающейся, но еще не решенной окончательно переориентировки советской внешней политики.

За кулисами, конечно, велись в это время горячие дебаты. Решительная позиция, занятая западными демократиями, произвела в Москве впечатление, и 18-го марта — после Франции, Англии и Соединенных Штатов — Литвинов уведомил германского посла в Москве о непризнании Советским Союзом аннексии Чехословакии Германией, хотя, правда, в отличие от Франции, Англии и США, Советский Союз и не вызвал своего посла из Берлина. Не означала ли нота 18-го марта, что советское правительство преодолело в себе изоляционистские колебания? Энергичный текст ноты давал, казалось, основание для этого оптимистического вывода, но

^{*}) Интересно отметить, что и в течение всех последних лет Сталин не оставлял надежды на возможность возврата к политике сближения с гитлеровской Германией и втайне пытался готовить для этого почву. Об этом подробно рассказал в прошлом году В. Кривичкий («Социалистический Вестник», 1938, № 7) и имеются очень ценные указания в опубликованных в «Бюллетене Оппозиции» записках Игнатия Рейса.

обоснование ноты в «Правде» (от 20-го марта, в день опубликования ноты в советской печати) заставляло насторожиться. И на этот раз об угрозе интересам Советского Союза не было сказано ни слова: Франция, Англия и США «пожинают плоды своих же дел», «ослабили свои же собственные стратегические позиции, свою же собственную мощь»; германский агрессор «ведет войну против интересов так называемых (!) демократических государств», и все это кончится «для них» плохо.

В Англии между тем, под влиянием нового усиления гитлеровской агрессии (аннексия Чехословакии, присоединение Мемеля), начался поворот в сторону сближения с Советским Союзом, и 23-го марта в Москву приехал английский министр внешней торговли Хадсон. Приехал он с несколько неопределенной миссией, фактически для политической рекогносцировки. В английской печати прямо говорилось, о политическом значении поездки Хадсона и о вероятной встрече его со Сталиным. Но Москва проявила на этот раз подчеркнутую сдержанность, и 27-го марта Хадсон уехал, так и не повидав Сталина, а ТАСС опубликовало несколько необычное «сообщение», в котором отчетливо сказались внешнеполитические колебания Советского Союза. С одной стороны, сообщалось, что в беседах Хадсона с Литвиновым, Микояном и Молотовым «были подвергнуты обстоятельному обсуждению нынешние торговые взаимоотношения между СССР и Великобританией и возможности их дальнейшего развития» и что «личный контакт, установленный между уполномоченным представителем британского правительства и членами советского правительства, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира». Тут сообщение ТАСС оставалось как будто в рамках обычных вежливых дипломатических условностей. Но в то же время сообщение подчеркивало, что в беседах Хадсона с членами советского правительства «вскрылся ряд существенных разногласий», — оговорка тем более неожиданная (и в дипломатических сообщениях не совсем обычная), что о конкретном содержании переговоров, а тем более «разногласий» в сообщении не было сказано ни слова.

Внешнеполитическая публицистика советской печати ограничивается в это время редкими «обзорами» международных событий, в которых звучит, правда, отчетливая антифашистская нота, но в то же время снова и снова подчеркивается, что острей фашистской агрессии обращено против Англии и Франции и что Англия и Франция пожинают плоды своей политики. Редакционные, а тем более передовые статьи советской печати говорят о чем угодно, но только не о внешней политике, и только ТАСС изредка напоминает своими странными «сообщениями» о каких-то сложных закулисных внешнеполитических маневрах. В течение первой половины апреля было опубликовано два таких сообщения ТАСС, оба очень кратких, оба носящих характер дементя и проникнутых одной и той же тенденцией. В одном из них категорически опровергается сообщение агентства Гаваса из Москвы, будто «Советский Союз обязался или обещался обязать в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии» («Правда» от 4-го апреля). С такой же решительностью, почти с запальчивостью опровергаются «слухи», проникшие во французскую, английскую и германскую печать, «о „походе“ советских миноносцев и крейсеров через Босфор по направлению к Греции в связи с событиями в Албании» («Правда» от 14-го апреля).

В середине апреля Англия взяла на себя уже и формальную инициативу привлечения Советского Союза к «фронту мира». 15-го и 16-го апреля английский посол в Москве Сидс дважды был принят Литвиновым и официально поставил вопрос о заключении англо-франко-советского соглашения. Западноевропейская печать полна была в эти дни оптимизма, и заключение соглашения, которое должно было явиться прочной основой европейского мира, казалось вопросом ближайших недель, если не дней. Но советская печать попреж-

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

нему хранила молчание, «Правда», как это ни покажется невероятным, ни одним словом не обмолвилось о приеме — двукратном в течение двух дней! — Сидса Литвиновым, — а 18-го апреля, т. е. через два дня после второй беседы английского посла с наркоминделом, советский посол в Берлине Мерекалов имел продолжительную беседу с германским товарищем министра иностранных дел Вейцекером и на следующий день выехал в Москву*). Повидимому, визит Мерекалова в германское министерство иностранных дел и был началом переговоров, закончившихся через четыре месяца подписанием советско-германского пакта.

Переговоры Англии и отчасти Франции с Советским Союзом между тем продолжались. Первые, скромные по своему объему предложения Англии, недостаточно обеспечивавшие интересы Советского Союза, были значительно расширены. Советский посол в Лондоне Майский стал почти ежедневным гостем в английском министерстве иностранных дел. Кажется, соглашение вот-вот будет заключено...

В Москве в это время происходили какие-то странные, частью как будто и маленькие события. 25-го апреля «Журналь дэ Моску», московская еженедельная газета на французском языке, выходящая с 1935 года и приобретшая известную популярность во французских советофильских кругах, неожиданно сообщила, что «по техническим причинам» она прекращает свое существование (правда, с лицемерной оговоркой: «временно»). «Журналь дэ Моску» был фактически органом наркоминдела и весь смысл его существования сводился к воздействию на французское общественное мнение в интересах сближения Франции и Советского Союза. Уже по самому существу своему «Журналь дэ Моску» не мог быть ничем иным, как орудием «политики Литвинова», и его внезапное закрытие имело, конечно, определенный политический смысл. За закрытием газеты последовал в конце апреля арест его внешнеполитического руководителя, бывш. секретаря советского посольства в Париже Гиршфельда (об этом сообщил московский корреспондент Гаваса). Все это как-то странно диссонировало с дружественными переговорами с Англией и Францией.

Одновременно и московская немецкая ежедневная газета «Дейтше Централь-Цайтунг» подверглась радикальной «реформе»: вместо ежедневной она стала еженедельной. Газета эта предназначалась ранее главным образом для немцев в Советском Союзе и уделяла, конечно, много внимания и Германии, причем ее немецкая информация носила, разумеется, определенно враждебный фашизму характер. После «реформы» «ДЦЦ» или, как она теперь называлась, «Дейтше Цайтунг» («ДЦ») явно стала органом, предназначенным главным образом для экспорта и пропаганды за границей «наших достижений». Немецкая информация ее свелась отныне к минимуму и газета поэтому в значительной мере утратила свое антифашистское острие. — Кстати, даже и в таком виде она уже недолго продержалась, и в середине июля прекратила

*) О том, что беседа Мерекалова с Вейцекером не носила характера простого «протокольного» визита, говорит уже сам факт продолжительности этой беседы («больше часа»). Беседа эта состоялась, повидимому, по советской инициативе: если бы инициатива исходила от немцев, Мерекалов, вероятно, был бы принят министром иностранных дел, а не его товарищем.

свое существование — молчаливо, даже без ссылки на «технические причины».

Параллельно и в германской прессе заметно была придумана антисоветская нота, а когда 28-го апреля собрался рейхстаг и Гитлер произнес в нем большую внешнеполитическую речь, он тщательно воздержался — и это обратило на себя всеобщее внимание — от каких-либо выпадов против Советского Союза. Обе стороны расчищали почву для соглашения.

Общественное мнение было явно неподготовлено к этому повороту. Умолчание Гитлера о Советском Союзе было встречено с изумлением, но без большой тревоги, а закрытие «Журнал дэ Моску» и преобразование «ДШС» почти и вовсе не обратили на себя внимания. Тем большее впечатление произвела внезапная отставка Литвинова и замена его Молотовым. Еще 3-го мая днем английский посол Сидс был принят Литвиновым, который вел с ним беседу об англо-франко-советском соглашении, и ничто, казалось, не предвещало падения наркоминдела. А вечером того же дня ТАСС опубликовало лаконичное сообщение, что Литвинов «согласно его просьбы освобожден от обязанностей наркоминдела СССР». И ни в одной советской газете не появилось ни строчки в пояснение отставки долголетнего руководителя ведомства иностранных дел, последовавшей к тому же в самый разгар переговоров огромной политической важности.

Европейская коммунистическая печать, — может быть, и искренно — пыталась убедить общественное мнение, что политика Литвинова будет продолжаться. Марсель Кашен писал в «Юманитэ» от 5-го мая:

«...Сейчас Литвинов уходит, но советская политика остается... Она была и останется политикой мира, политикой коллективной безопасности, политикой, обращенной против агрессоров, политикой защиты малых народов, угрожаемых фашистскими империализмами. СССР и не думает отказывать в своей помощи Польше и Румынии. Но он предлагает мирным державам Западной Европы больше: он им предлагает свое тотальное участие в общей политике сопротивления всякой агрессии, настоящей или будущей».

Эта публицистика европейской коммунистической печати не без успеха служила дымовой завесой для тайных советско-германских переговоров. Но характерно, что в Японии, повидому, лучше осведомленной о намерениях своего германского союзника, отставка Литвинова встретила более реалистическую оценку — и заметную тревогу, как бы Германия не сблизилась с Советским Союзом и не отдалась от Японии (см. об этом телеграмму Гаваса из Токио в «Последних Новостях» от 8-го мая).

Назначение Молотова на пост наркоминдела означало, что переговоры между СССР и Германией вступают в свою решающую фазу. В руководящих московских кругах, повидому, ожидали, что переговоры эти очень скоро приведут к заключению соглашения. Только так, кажется, и можно объяснить тот факт, что 5-го мая, через два дня после падения Литвинова, было принято решение о созыве на 25-ое мая Верховного Совета СССР. Что смена руководства наркоминделом и созыв Верховного Совета находятся в непосредственной связи друг с другом и что Верховный Совет созывается прежде всего для выслушания доклада нового наркоминдела и, вероятно, для одобрения важных внешнеполитических решений, не вызывало в Европе (и, может быть, и в Советском Союзе) решительно ни в ком сомнений. Правда, о том, что речь может идти о советско-германском договоре, почти никто, кажется, не думал.

Где, кем и когда велись переговоры между Берлином и Москвой, выяснится, может быть, не так скоро. Европейская печать не раз сообщала этим летом о каких-то таинственных немецких «промышленных» и иных делегациях в Москве, о двукратном приезде в Москву Папена (инкогнито, конечно)

и т. п. Возможно, что решающие переговоры начались еще в конце апреля между Потемкиным и Папеном в Анкаре. Все это детали, которые представляют сейчас лишь второстепенный интерес. Переговоры протекали, повидому, нелегко (поэтому они так и затянулись); и та, и другая сторона продолжала маневрировать, стремясь обеспечить себя на случай неудачи переговоров; но и та, и другая сторона явно решила не останавливаться перед трудностями.

Для Советского Союза обеспечением на случай неудачи советско-германского соглашения должно было явиться заключение англо-франко-советского пакта. Для Германии ту же роль должен был играть военный союз с Японией. И одновременно перспектива заключения Советским Союзом англо-франко-советского пакта, как и перспектива подписания Германией договора о германо-японском военном союзе, являлись во время германо-советских переговоров соответственно для каждой из сторон орудием давления на другого партнера, может быть, даже орудием шантажа по отношению к нему. Переговоры протекали в обстановке, достойной обоих партнеров.

Но все это происходило за кулисами. Авансцена была занята англо-франко-советскими переговорами. Англичане — или с июня англичане и французы — делали все новые и новые предложения. Молотов каждый раз возражал, ссылаясь на недостаточность гарантий, предлагаемых Советскому Союзу. У сторонников англо-франко-советского сближения, в принципе соглашавшихся с основным аргументом Молотова о необходимости прочных гарантий для Советского Союза (а таких в кругах левой европейской общественности, и особенно в социалистических кругах, было очень много), вызывало однако недоумение, почему Советский Союз, отстаивая как будто идею наиболее тесного сотрудничества с западными демократиями для защиты мира, не делает ничего для того, чтобы мобилизовать в пользу этой идеи общественное мнение и Советского Союза и Европы, почему советская печать не только не ведет никакой кампании в пользу «фронта мира», но просто почти замалчивает происходящие переговоры, почему Молотов ограничивается возражениями на английские и англо-французские предложения, но не проявляет с своей стороны никакой инициативы, почему Молотов и Потемкин не воспользовались состоявшейся во второй половине мая сессией Совета Лиги Наций (кстати, отсроченной на неделю по просьбе Потемкина), чтобы путем личного общения с руководителями внешней политики западно-европейских государств содействовать скорейшему устранению возникающих разногласий, а предоставили Майскому представлять Советский Союз на этой сессии, почему Ворошилов отказался от сделанного ему в конце мая предложения приехать осенью на английские маневры, и т. д., и т. д.

Останавливаться на всех дальнейших сложных перипетиях англо-франко-советских переговоров в рамках этого обзора, посвященного не англо-советским, а германо-советским отношениям, нет необходимости. Для понимания хода развития германо-советских переговоров они уже не дают почти ничего нового. Стоит отметить еще лишь два момента.

31-го мая Молотов произнес свою программную речь в Верховном Совете. В ней было много шпилек, направленных против Англии и Франции, но в основе ее все же лежала мысль о вступлении Советского Союза в «единый фронт миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии». Но в той же речи — и это с начала англо-советских переговоров было публично сказано впервые — подчеркнута была мысль о готовности Советского Союза поддерживать «деловые связи с такими странами, как Германия и Италия». Замечание это в данном контексте и в данный момент заставляло насторожиться, но оно все же поддавалось и сравнительно безобидной интерпретации.

Гораздо серьезнее прозвучала угроза, сформулированная в опубликованной в «Правде» в конце июня статье Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного

договора с СССР». Жданов, правда, оговаривает, что высказывает свое «личное мнение хотя мои друзья и не согласны с ним». Но близость Жданова к Сталину общеизвестна, а статья его так близка по своему настроению (и даже по языку и тону) к неоднократным высказываниям Сталина, что у читателей невольно должна была возникнуть мысль: статья высказывает точку зрения Сталина, а может быть, даже и написана Сталиным, который не считал удобным выступить сейчас от собственного имени. Основная мысль статьи формулирована со сталинской грубостью:

«Мне кажется, что англичане и французы хотят не

настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь **разговоров** о договоре для того, чтобы спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами» (подчеркнуто в «Правде»).

С этого момента англо-франко-советские переговоры были, по видимому, для советской стороны уже лишь прямым лицемерием. Колебания Сталина кончились и сближение с Германией предпрешено.

Отклики международного социализма на пакт

Заключение германско-советского договора вызвало, как это само собою понятно, не только оторопь, но чувство глубокого возмущения и негодования, охватившее широчайшие слои и коммунистических рабочих, совершенно сбитых с толку этим беспримерным актом беспринципного предательства.

В дальнейшем мы группируем кое-какие данные, иллюстрирующие отклики рабочего и социалистического мира на сталинскую измену. В виду переживаемых обстоятельств, в значительной степени дезорганизовавших правильную газетную работу и вносящих естественную неурядицу и в почтовые сношения, особенно в сношения с заграницей, данные эти носят крайне отрывочный и в известной мере случайный характер.

Наиболее сильной оказалась реакция на московский пакт, естественно, в Англии и Франции, где рабочие партии так настойчиво и с такой верой в успех работали над вовлечением Советского Союза в «фронт мира».

В Англии при получении первых сообщений о заключении пакта «Дэйли Геральд», орган Рабочей Партии, писал:

«Согласно всем представлениям о международной морали кажется совершенно невероятным, чтобы могла идти речь о таком пакте дружбы между Советской Россией и национал-социалистической Германией, да еще в момент, когда Германия прямо угрожает европейскому миру, а Россия ведет переговоры с Великобританией и Францией о наиболее действительных способах помешать осуществлению этой угрозы.

«Такой пакт не может означать ничего иного, как поощрение Германии к продолжению ее кампании против Польши и как предоставление ей со стороны России возможности делать все, что ей угодно».

Во Франции Постоянная Административная Комиссия Партии единогласно приняла 29 августа резолюцию, в которой «осуждает и публично клеймит германско-советский

пакт, показывающий в истинном свете бесчестность и предательство советского правительства, сравнимые лишь с грубой лживостью и вопиющим лицемерием германского фашизма.

«П. А. К. призывает все свои секции и федерации к прекращению всяких сношений с теми, кто остается солидарен с этой отвратительной политикой».

Со своей стороны, Леон Блюм еще 23 августа писал:

«Пакт о ненападении сам по себе — ничто... Но что действительно представляется из ряда вон выходящим и даже почти невероятным и вызывает оторопь и недоумение, — так это то, что гитлеровский Рейх и Советская Россия могли заключить между собою политическое соглашение, предшествующее к тому-же заключенным за 24 часа до того соглашению торговому, в самый разгар европейского кризиса, под грохот передвигающихся армий и дипломатических приготовлений, в момент когда военные миссии Англии и Франции находятся в Москве и когда со дня на день ожидалось подписание тройственного договора. Изумление удваивается, когда вспоминаешь, что отвращением и ненавистью к коммунизму Гитлер пытался оправдывать все свои недавние предприятия, в том числе разгром испанской республики и Чехословакии, что анти-коммунистическая идеология лежит в основе национал-социализма, что анти-коммунистический пакт является тем дипломатическим инструментом, который позволил Германии и Италии сплотить вокруг себя своих союзников. А теперь, оказывается, тот-же Гитлер не только принимает, но, по всей видимости, берет на себя инициативу политического сближения с Советами. Со своей стороны, Советская Россия не переставала разжигать повсюду анти-фашистскую пропаганду. Коммунизм не переставал клеймить Гитлера, как общественного врага всякой справедливости, всякой свободы, всякой цивилизации. А в самый острый, в самый опасный момент европейского кризиса, Советская Россия становится как будто на сторону Гитлера! Бóльшей дерзости, бóльшего суверенного презрения к общественному мнению, бóльшего вызова общественной морали невозможно и придумать!»

ТОВАРИЦ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Жан Жиромский, столько сделавший для сохранения и укрепления социалистическо-коммунистического единства действий во Франции, пишет 31 августа:

«Нет, защищать дипломатический акт, подобный этому германо-русскому пакту о «ненападении» невозможно. Он является опасной угрозой миру, потому что Советская Россия уже не входит во фронт анти-фашистских государств. Он поощряет Гитлера в его неуступчивости по отношению к Польше. Он освобождает Гитлера от угрозы с востока, которая пугала и могла еще остановить его. Он мог — к счастью этого не случилось! — вызвать во Франции своего рода панику, которая могла бы привести ко второму Мюнхену».

Сенская Федерация социалистической партии единогласно приняла текст воззвания, в котором, характеризуя предательский характер пакта, заключенного Сталиным, обращается к коммунистическим рабочим:

«А вы, товарищи коммунисты, неужели вы потерпите, чтобы наше славное красное знамя сплелось с отвратительной эмблемой свастики?»

«Мы верим в ваш классовый дух, в искренность вашего анти-фашизма. Мы убеждены, что французские коммунистические рабочие сойдутся в одних рядах со своими социалистическими братьями для совместной борьбы и отвергнут политику, которая поворачивается спиной к революционному пролетарскому духу и является надругательством и издевательством над памятью всех рабочих героев, коммунистов и социалистов, павших в священной борьбе против гитлеровского фашизма и за мир».

«Торжественно отрекайтесь от предательства сталинского правительства, заставляйте своих руководителей отказываться от солидарности с этим актом постыдной измены, обличайте германо-советский пакт, как премию агрессору, как якорь спасения для Гитлера, виновника войны и международной реакции».

Административная Комиссия объединенной профессиональной **Конфедерации Труда** Франции (СЖТ), отвергнув резолюцию, внесенную ее коммунистическими членами и «приветствовавшую инициативу СССР», приняла 24 августа 18 голосами против 8 при 2 воздержавшихся текст, в котором, между прочим, говорит:

«СЖТ всегда осуждала тайную дипломатию и продолжает осуждать ее, какая-бы страна к ней ни прибегала».

«Она всегда наставляла на том, что лояльность необходима для установления мирных отношений между народами; она не может поэтому одобрить подписание договора о ненападении, в котором отсутствуют какие-бы то ни было оговорки *).

«Административная Комиссия вынуждена констатировать, что этот пакт наносит удар фронту мира и на-

*) Эта фраза относится, очевидно, к попыткам коммунистической прессы успокоить рабочих указанием, что текст договора о ненападении, заключенного Сталиным с Гитлером, будет содержать имеющуюся во всех других договорах такого рода оговорку о том, что каждая из сторон имеет право немедленно расторгнуть договор, если другая сторона совершит акт агрессии по отношению к любой третьей стране. Увы, оказалось, что как раз текст сталинско-гитлеровского договора, как единственное известное исключение, этой оговорки не содержит. Как выпуталась бы французская коммунистическая печать из ужасного положения, в которое ее поставил таким образом Сталин, неизвестно, ибо обе коммунистические парижские газеты («Юманитэ» и «Сэ Суар») были приостановлены раньше, чем был опубликован текст московского пакта. — Ред.

носит его как раз в тот момент, когда напряженность положения в Европе приближается к своей высшей точке».

Бельгийская Рабочая Партия в резких выражениях клеймила сталинский пакт, а из солидаризации вождей бельгийского коммунизма с этим пактом сделала вывод:

«Более, чем когда-либо, мы считаем Коммунистическую Партию морально лишенной права выступать в качестве представительницы одного из отрядов рабочей демократии».

«Подтверждая и подкрепляя свои прежние резолюции, Бюро партии считает, что всякие связи или отношения между социалистической и коммунистической партиями должны считаться противными чести социализма».

Правление **итальянской** социалистической партии, критикуя сталинский пакт, отвечает, что

«идеи, внушившие русско-германское соглашение, означают трагический возврат вождей коммунистов к тем ошибкам, которые так помогли фашизму и гитлеризму завоевать власть».

Резолюция, однородная по смыслу с резолюциями французской и бельгийской партий, была принята и **швейцарской** партией.

Посвященная сталинско-гитлеровскому пакту статья тов. Аустриакуса в органе **австрийских** товарищей («Дор Социалистише Кампф» от 26 авг.) констатирует, что

«Сталинский Мюнхен означает... победу самых узко понятых национальных интересов русского правительства над классовыми интересами пролетариата и над международными интересами борьбы против фашизма, — а тем самым и над большими и широкими интересами самого Советского Союза».

«Гитлеро-сталинский пакт завершает и запечатлевает национальное вырождение русской диктатуры, ее поворот спиной к интересам класса, из которого она вышла, ее разрыв с потребностями и политикой международного пролетариата. Тем самым большевистская диктатура подошла к пункту, с которого приходится заново пересмотреть ее эволюцию... О Советский Союз разбивается международный фронт отпора фашизму: последствия этого факта для международного рабочего движения будут громадны. Сталин помогает Гитлеру: впечатление, которое это событие произведет на пролетариев в фашистских странах, в фашистских застенках, будет вдвасятеро ужаснее, чем впечатление, произведенное на них Мюнхеном».

«Дер Нейе Форвертс», орган Форштанда **германской** социалдемократии в свою очередь, пишет:

«Переход Советской России на сторону Гитлера является позорным предательством — не только по отношению к Англии и Франции, но, прежде всего, по отношению к немецким рабочим, ко всему немецкому оппозиционному движению против Гитлера внутри Германии и вне ее».

Отметим наконец, что в своем манифесте, принятом на заседании 26 августа в Париж, Бюро **Международной Федерации Профессиональных Союзов** говорит:

«Собравшись 26 августа 1939 года в Париже на чрезвычайную сессию, Бюро МФПС остановилось на чрезвычайном критическом положении, в котором находится сейчас Европа, особенно вследствие неожиданного и предосудительного образа действий Советской России, заключившей втайне пакт с национал-социалистической Германией, которую она-же всегда клеймила, как неприимого врага свободы и демократии».

Все для поражения нацизма!

**Все для победы тех сил, которые будут
ему противостоят!**

За демократию и социализм!

**За замену сталинского единодержавия
демократическим самоуправлением народа!**

**Всеми силами содействовать поражению главного
и непосредственного виновника чудовищной ката-
строфы — международного и, особенно, германского
нацизма!**

К подписчикам и читателям “Социалистического Вестника”

Редакция и контора «С. В.» примут все зависящие от них меры, чтобы и в течение военного времени обеспечить по возможности регулярный выход журнала.

Но читатели и подписчики должны учесть, что и при составлении номера, и при его наборе и печатании, и при его рассылке придется считаться со всеми теми затруднениями материального, технического, транспортного, почтового, цензурного и т. д. порядка, которые неизбежно связаны с обстоятельствами военного вре-

мени. Особо серьезное значение как раз для нашего журнала будет иметь, понятно, связанная с этими обстоятельствами крайне ограниченная возможность, а то и полная невозможность получения советской печати.

Редакция и контора «С. В.» заранее просят поэтому снисходительного отношения к неизбежным в таких условиях недостаткам редакционного и технического характера.

